

функция.

6. Для нормального хода процесса практического обучения особую, зачастую решающую роль, играют средства обучения, прежде всего материально-техническое оснащение, а также объекты учебно-производственной деятельности учащихся.

Источники и литература

1. Ажикин Г.И. Самостоятельная работа учащихся профтехучилищ в процессе производственного обучения. – М.: Высшая школа, 1987. – 175 с.
2. Батышев С.Я. Научная организация учебно-воспитательного процесса. – М.: Высшая школа, 1980. – 456 с.
3. Беляева А. П. Методология и теория профессиональной педагогики. – СПб.: ин-т профтехобразования РАО, 1999. – 480 с.
4. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. – М.: Педагогика, 1986. – 239 с.
5. Думченко Н.И. Содержание подготовки квалифицированных рабочих кадров: Профпедагогика. – М.: Высшая школа, 1983. – 112 с.
6. Жиделев М.А. Современные требования к методам производственного обучения. – М.: Высшая школа, 1977. – 140 с.
7. Катханов К.Н. Педагогические основы производительного труда в профессионально-технических училищах. – М.: Высшая школа, 1976. – 335 с.
8. Махмутов М.И., Шакирзянов А.З. Учебный процесс с использованием межпредметных связей в средних ПТУ. – М.: Высшая школа, 1985. – 207 с.
9. Организация и методика производственного обучения: Учебник для индустр. педагог. техникумов / Под ред. М.А. Жиделева. – М.: Высшая школа, 1978. – 399 с.
10. Неперервна професійна освіта: філософія, педагогічні парадигми, прогноз. / В.П. Андрущенко, І.А. Зязюн, В.Г. Кремень, С.Д. Максименко, Н.Г. Ничкало, С.О. Сисоєва, Я.В. Цехмістер, О.В. Чалий / За ред. В.Г. Кременя. – К.: Наукова думка, 2003. – 853 с.
11. Освіта України. Нормативно-правові документи. – К.: Міленіум, 2001. – 472 с.
12. Педагогика: Большая современная энциклопедия / Сост. Е.С. Рапацевич – Мн.: „Современное слово”, 2005. – 720 с.
13. Скакун В.А. Преподавание курса "Организация и методика производственного обучения": Методическое пособие. – М.: Высшая школа, 1984. – 168 с.
14. Щукин М.Р. Психологические основы индивидуального подхода к учащимся в процессе производственного обучения: Метод. пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 88 с.

Чудомех В.Н.

УБЕЖИЩЕСТРОИТЕЛЬНАЯ ГИПОТЕЗА РАННЕГО АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗА: ЗА И ПРОТИВ

Введение. Гипотеза об «убежищестроительных истоках» Раннего Антропосоциогенеза была выдвинута автором в источнике [1] для объяснения возможных причин: а) «упорного палеоантропного стремления к системному прямохождению»; б) исторически последовательного преобразования исходного «палеоантропного протосознания» в «палеосоциоантропное сознание»; в) синергетического зарождения в исходной палеоантропной среде «начал» качественно новых, «палеоантропосоциокультурных», – норм поведения индивидов, принципов отношений индивидов и принципов их объединения в сообщества. В источнике [1] «убежищестроительная гипотеза Раннего Антропосоциогенеза» представлена в общем виде, поэтому ниже раскрываются достоинства такого подхода к Антропосоциогенезу и демонстрируются его возможности. Главные цели настоящей статьи: обосновать правомочность «убежищестроительной гипотезы Раннего Антропосоциогенеза», обозначить её место в ряду существующих гипотез Антропосоциогенеза, а также актуальность соответствующей ревизии – пересмотра результатов уже проведённых и нынешних исследований палеостоянок древних людей – с концентрацией особого внимания на «убежищестроительных» их аспектах.

Нижеследующая оценка достоинств «убежищестроительной гипотезы Раннего Антропосоциогенеза» проведена методом поиска объяснений исходя из трёх гипотез Антропосоциогенеза – «трудовой», «охотничьей» и «убежищестроительной»: а) феномена перехода палеоантропов к «системному прямохождению»; б) феномена «Рефлексирующего Сознания Человека»; в) феномена онтогенеза в палеоантропной среде «начал» качественно новых, антропосоциокультурных – поведения, отношений и сообществ; г) феномена доминирующего развития в палеоантропной среде именно антропосоциокультурных – поведения, отношений и сообществ.

Причины перехода Hominidae к «системному прямохождению». Бесспорными исходными причинами для такого перехода были, прежде всего, физико-климатические. Последние 3,5 млн. лет в истории Земли характеризовались частыми «ледниковыми циклами», а ближайший к нам, антропогеновый её период, считается наиболее холодным и в физико-климатическом отношении наиболее неустойчивым. В частности, последнее миллионлетие в геологической истории Земли – это более шести «ледниковых периодов» и образование на поверхности суши Земли чётко обособленных климатических поясов (арктического, умеренного и тропического), границы которых (особенно двух первых) изменялись многократно, очень быстро и в широких пределах [2, с.38]. Соответствующие изменения флоры, фауны и широтных границ

тропического пояса Земли естественно не могли не сопровождаться циклической интенсификацией внутривидовой борьбы человекообразных за «территории кормления» и за «убежища» от неблагоприятных физико-климатических условий, служившие им к тому же «хранилищами запасов пищи» и «укрытиями» от «Других». Так, к примеру, в пещерах Трансвааля (Южная Африка) обнаружены палеоследы поочерёдного, исторически длительного пребывания в них как Pongidae, так и Hominidae (в интервале примерно 2,7–1,7 млн. лет назад) – причём историческое чередование палеоследов их длительного пребывания в этих пещерах довольно хаотично [3, с.13-14]. По всей видимости, именно в рассмотренном интервале геологического времени произошло окончательное разделение планетарного мира человекообразных на Pongidae и Hominidae (логика его «причин и следствий»: резкие изменения физико-климатических условий на суше Земли, соответствующие изменения флоры и фауны в местах обитания человекообразных, внутривидовая их борьба за «территории», освоение некоторой частью человекообразных «новых экологических ниш»). Логичность данной последовательности возможных планетарных событий позволяет предположить, что в указанный период геологического времени историческое разделение человекообразных на Pongidae и Hominidae было изначально и принципиально эконотологическим (сначала по «экологическим нишам», а затем – в процессуальном развитии – и по «образу бытия»).

Судя по наличным палеофактам, ранние Hominidae значительно уступали в росте, массе и силе таким своим главным конкурентам в среде человекообразных, как гориллы, мегантропы и гигантопитеки [2, с.45-46]. Вполне вероятно, что вследствие этого ранние Hominidae могли быть вытеснены последними из лесных и горно-лесных территорий тропического пояса Земли в тропические лесостепные и степные зоны, а также в лесостепи умеренного пояса, проблематичные в части «убежищ», добывания «пищи» и хранения её «запасов». Для выживания ранних Hominidae в новых «эконишах» очевидно требовались: а) «всеядность» (травоплотоядность); б) новые способы добывания «пищи»; в) высокая мобильность – способность к частым и долгим переходам – в поисках «пищи» и для спасения в борьбе с более сильными конкурентами; г) новые средства «самозащиты» и «обороны от Других»; д) новые способы «укрытия» от непогоды (дождя, ветра, холода). Можно заметить, что первые четыре условия для выживания ранних Hominidae в новых для них – лесостепных и степных зонах – вполне могли обеспечиваться простейшей «охотой» и изготовлением простейших «орудий». Поскольку к подобному поведению способны и Pongidae (шимпанзе, например, в растительно-межсезонье тоже «охотятся» – 4, с.74), логичен вывод: простейшая «охота» и простейшая предметно-орудийная деятельность характерны для многих крупных человекообразных и непосредственно к существенным изменениям «первообраза бытия Hominidae» вести не могли. К тому же, в бытии ранних палеоантропов «охота» занимала незначительное место – в их питательном рационе преобладала вегетарианская пища (составлявшая примерно 75-80 % их годового рациона), мясо же потреблялось ими эпизодически (в растительно-межсезонье) – что следует, прежде всего, из строения их зубов и челюстей [5, с.140].

В настойчивости некоторых антропологов признать «охоту» «важнейшей формой совместного труда гоминид, приведшей к коренному изменению их образа жизни», «организующей силой общества приматов на этапе превращения их в людей» [4, с.11], а также «настоящей школой обучения всего человеческого рода» и «образцовой моделью поведения человеческого рода» [5, с.182-183] отчётливо просматривается принцип «если нет другого, лучшим становится то, что есть». Да, «охота» на крупного зверя действительно требует должной кооперации большого числа «охотников», но не меньшая требуется и при «обороне от Других» – почему же этот не менее важный аспект бытия человекообразных обойдён соответствующим научным вниманием? «Коллективная охота» характерна для многих высокоразвитых хищников, её принципы крайне просты и в целом элементарны, поэтому чрезмерное завышение её роли в Раннем Антропосоциогенезе трудно признать корректным. Тем не менее, зададимся вопросом – можно ли объяснить «охотничьей гипотезой» необходимость «системного прямохождения», а также многообразия «предметно-орудийной деятельности» и «социальных отношений» палеоантропов? Наверное, нет.

«Трудовая гипотеза Антропосоциогенеза» также не объясняет необходимость «системного прямохождения» и многообразия «предметно-орудийной деятельности» палеоантропов – потенциальную способность к изготовлению простейших каменных орудий на основе «технологии отщепов», а также к их использованию, обнаруживают даже орангутанги [4, с.60]. Кроме того, «трудовая гипотеза Антропосоциогенеза» не даёт многих должных ответов и на «чисто трудовые вопросы». Например, на такие: а) Hominidae производили и использовали каменные орудия более 1,5 млн. лет, почему же Homo sapiens появляются лишь 60-40 тыс. лет назад? б) для чего Hominidae непрерывно - более 1,5 млн. лет - производили и «творили» всевозможные каменные орудия? в) почему интенсивность производства и «творения» палеоантропами всевозможных каменных орудий практически совпадала с «планетарными ледниковыми циклами» [6, с.168]?

Не найдя ответов на вышепоставленные вопросы в рамках уже рассмотренных гипотез Антропосоциогенеза («охотничьей» и «трудовой»), обратим внимание на пятое необходимое условие для выживания ранних Hominidae в новых «эконишах» – на необходимость поиска и обретения ими некой замены «природным убежищам» человекообразных от непогоды: пещерам, природным полостям и готовым норам. Должестование такого поиска у ранних Hominidae и его историческая успешность несомненны – именно этим логически просто объясняется: почему Hominidae непрерывно, более 1,5 млн. лет, производили и «творили» всевозможные палеоорудия и почему интенсивность этого производства всевозможных палеоорудий практически совпадала с «планетарными ледниковыми циклами».

Поскольку закономерность перехода ранних Hominidae к «системному прямохождению» в исторически должном поиске «моделей искусственных убежищ» и обязательность освоения ими «строительства

искусственных убежищ» принципиально обоснованы в источнике [1], а вышеизложенное убеждает в этом ещё более, правомочен вывод: исторический переход ранних Hominidae к «системному прямохождению» предопределили объективные физико-климатические факторы, конкурентная борьба всех человекообразных за «территории», вытеснение ранних Hominidae из зон тропических лесов в лесостепные зоны, малочисленность в этих новых для Hominidae местностях надёжных «естественных убежищ» – от дождя, ветра и холода.

Онтогенетика «Рефлексирующего Сознания Человека». Сущностно «Самоосознание-Я-в-мире» можно рассматривать как по-этапный психологический процесс, реализуемый «Я» и включающий: а) самовыделение «Я» из наличной действительности («выделение-Я-из-мира»); б) последующее отстранённое осмысление «мира» и «Я-в-мире» как-бы «извне» – на основе некоего опыта «Я»; в) отражение результатов этого осмысления в форме неких внутренних: психических, символических и словесных образов, а также «идей внешнего мира» и «концепций его поведения»; г) осуществление, исходя из этого, некой деятельности – определённой самим «Я». Данный логический алгоритм «Самоосознания-Я-в-мире» очевидно позволяет перейти от спекулятивных представлений феномена «Рефлексирующего Сознания Человека» к «процессуальному» – к представлению его феноменом с известным «началом», формировавшимся исторически, прошедшим в историческом становлении вполне известные и закономерные стадии. В «убежищестроительной гипотезе» Раннего Антропосоциогенеза этот процесс становления «Рефлексирующего Сознания Человека» представлен как многоуровневый, состоявший из трёх взаимосвязанных подпроцессов: биоэволюционного (морфоэволюции Номо-вида), онтоэволюционного (эволюции Номо-бытия) и социозэволюционного (эволюции Номо-отношений). Но может этот процесс шёл не так и для него было бы достаточно «чисто охотничьей» или простейшей «чисто предметно-орудийной» деятельности Hominidae?

Доказать или опровергнуть возможность формирования «Рефлексирующего Сознания Человека» в многотысячелетиях «чисто охотничьей» или «чисто предметно-орудийной деятельности» Hominidae значительно сложнее. «Сознание человека» являет собой триаду, это одновременно мировоззрение, мировосприятие и мироотношение – как же соотнести его явную многосложность с простотой «охоты» и примитивностью «труда» Hominidae? Определённой методологии в поиске ответа на данный вопрос нет, поэтому далее мы будем руководствоваться логикой. Объектами же нашего анализа станут «охотничья» и «трудова» деятельность Hominidae, а также их влияние – на «образ бытия» и морфологию Hominidae. Наши знания о содержании этих видов деятельности Hominidae скудны, но можно предположить, что их «охотничья деятельность» заключалась в охоте на зверей, птиц и насекомых – с целью употребления в пищу или использования их неких качеств в неких других целях, а «трудова» – в доминирующем производстве простейших орудий из естественных природных компонентов: каменных, растительных и животных (для удовлетворения «охотничьих», «оборонительных» и иных потребностей, например, для изготовления примитивнейших предметов быта).

Наше краткое исследование «деятельностей Hominidae» рациональнее начать с «охотничьей» (более простой). Ключевые тезисы приверженцев «охотничьей гипотезы Антропосоциогенеза» выстраиваются в следующую логическую цепь: а) «охота» – неотъемлемая часть бытия, основа видového выживания и системное основание для развития Номо-Разума (неизменная успешность «охоты» предполагает: знание природы, накопление опыта, умение анализировать «себя» и «внешнее» – «объекты и условия охоты»); б) «охота» системна сама по себе (нужен некий её алгоритм с набором предписанных действий) и более успешна при кооперации, особенно в случае «охоты» на крупного зверя [5, с.183-184]; в) род Номо 99% своей истории «охотится», поэтому наши: интеллект, эмоции, интересы и социальные основы жизни, в известном смысле есть результаты приобщения и приспособления рода Номо к «охоте»; г) исходя из вышеизложенного, сегодня всё в современном человеке может быть соотнесено с «архантропом-охотником»: физиология, психология и даже привычки [5, с.178]. Приведённые тезисы «охотничьей гипотезы» выглядят логично и убедительно, но и противопоставить им можно многое: а) в «охоте» не обязательны ни «прямохождение», ни «речь» (сигнальные связи в «охоте» – жесты и мимика); б) «охотничий опыт» чаще передаётся показом «делай как я»; в) «охота» в основном «мужское занятие», непродолжительное и нечастое (очевидно большего «мужского участия» требовала «охрана рода»); г) цели в «охоте» достигаются не столько знаниями, сколько ловкостью, быстротой и умением. Но всё-таки главный и практически неопровержимый «антитезис охотничьей гипотезы» – это крупные человекообразные Pongidae – живущие на Земле и ныне, «охотящиеся» дольше Номо, но так и оставшиеся Pongidae.

Прояснив место «охоты» в бытии Hominidae, перейдём к их «трудова деятельности» – исследуем возможность объяснения «Рефлексирующего Сознания Человека» с помощью «трудова гипотезы Антропосоциогенеза». По аналогии с предыдущим, выстроим известные «трудова тезисы» в единую логическую цепь: а) для выживания в новых, «наземных эконизах» у Hominidae – слабых, медленных, морфологически безоружных – было два выхода [6, с.205-208]: биоадаптация (увеличение массы, роста и силы) и техноадаптация – «дооснащение себя предметно-орудийными средствами» – «формирование способностей надбиологического содержания» [8, с.58]; б) техноадаптация давала непосредственные быстрые результаты, поэтому стала доминирующей; в) длительное изготовление и применение простейших орудий развивали у Hominidae последовательно: «руки» и «пальцы» (превращались в органы труда), знания и опыт (в изготовлении и применении «вещей»), мышление и коммуникацию, социальную кооперацию и преемственность «труда»; г) по мере развития, «трудова деятельность Hominidae» усложнялась, становилась многообъектной; д) длительно историческое усложнение «труда» и его системное использование во всех сферах бытия Hominidae постепенно отражалось в их морфологии и в «образе бытия» – последнее становилось всё более «социализированным», с доминирующими «чисто» Номо-кооперациями – «социальной» и «трудова»; ж) историческое усложнение «труда» преобразовывало и мозг палеоантропов, в

нём сформировались соответствующие рефлекторные системы – внутренние «функциональные органы, сложившиеся онтогенетически» [8, с.75].

Вышеприведённые тезисы «трудовой теории Антропосоциогенеза» основательнее и убедительнее «охотничьих», но и в них мы не находим главного побудительного мотива – почему «биологические предпосылки труда Hominidae» [8, с.57] столько настойчиво модифицировались ими и почему так интенсивно формировалось их новое, «надбиологическое основание бытия»? Историческая длительность этого процесса исключает его спонтанность и вновь обращает нас к исходным вопросам: а) для чего Hominidae необходим был именно «труд»?; б) почему Hominidae был нужен именно «труд» и почему их исходно простейшая «предметно-орудийная деятельность» столь настойчиво и интенсивно совершенствовалась? Многие прямые свидетельства происшедшего безвозвратно утеряны, но – исходя из «охотничьей» и «трудовой» гипотез Антропосоциогенеза, а также из гипотетического представления Hominidae «больными, обезвоженными животными» – можно предположить, что главной задачей Hominidae в тот знаменательный для их эволюции период времени была задача «укрыть тело»: от холода и стужи зимой, а летом – от многообразных кровососущих. Именно в этой задаче отчётливы побудительные мотивы для освоения Hominidae: а) «охоты на крупных животных» (их шкура – «одежда», «укрытие тела от непогоды»); б) простейшего производства «орудий»: для «охоты на крупных животных», для снятия их шкур (с помощью «скребок») и изготовления из них «одежды» (с помощью «рубил», «шил» и «игл»).

И всё же, несмотря на логичность, такое предположение требует доказательств: а) «обезвоженности» Hominidae; б) необходимости для вышеобозначенных видов «охоты» и «труда», прежде всего, «системного прямохождения»; в) исходного отличия Hominidae от Pongidae «образом бытия» – доминанции у Hominidae «коллективизма», решения ими «частного» через «общее» и особой направленности их «частного» на «общее». Можно ли в рамках «трудовой гипотезы Антропосоциогенеза» – на основе лишь этой выделенной главной задачи Hominidae – объяснить последующее усложнение их «труда» и, вследствие этого, их Разума? По всей видимости, нет. Ведь напрашивается ещё одно логическое предположение – о доминирующей мобильности и коммуникабельности Hominidae. Иначе как объяснить их миллионлетнюю креативность – не затухавшую, а разгоравшуюся в веках? Очевидно ими активно изучался «опыт других», из которого в сопоставлении со «своим» «отбиралось» рациональное и, после «пробы», «внедрялось»).

Завершая краткое исследование – было ли возможным появление «Рефлексирующего Сознания Человека» при «чисто охотничьей» или «чисто предметно-орудийной» деятельности палеоантропов? – констатируем: а) прямых оснований для утверждения обратного не существует, нет их и для признания такой возможности; б) «чисто охотничья» и «чисто трудовая деятельность» палеоантропов – в рамках предполагаемой и рассмотренной их сложности – явно не требовали «речи» (лежащей в основе «человеческой рефлексии») и непосредственно к «человеческому самоотчуждению от мира» (к оппозиции «Я-Мир») вести не могли; в) «Рефлексирующее Сознание Человека» – бесспорное кумулятивное следствие онтоисторического развития всех исходных деятельностей Номо: «охотничьей», «оборонительной», «трудовой», многоаспектной «убежищестроительной» и «бытовой».

Онтогенетика антропосоциокультурных: принципов поведения, отношений и сообществ. В «убежищестроительной гипотезе Раннего Антропосоциогенеза» [1] процесс генезиса «начал» и становления в последующем их развития качественно нового «антропосоциокультурного бытия Номо» представлен как синергетическое взаимопереплетение эволюции Номо-бытия и эволюции Номо-отношений. Но всё-таки опять усомнимся: а может для начала подобного процесса было достаточно «чисто охотничьей» или простейшей «чисто предметно-орудийной» деятельности Hominidae?

По аналогии с предыдущим анализом, вначале рассмотрим «охотничью деятельность Hominidae» – кроется ли в ней предпосылка к последующей качественной эволюции Номо-бытия и Номо-отношений? В какой-то мере, да, – если предположить некую былую необходимость качественного развития «охотничьей деятельности» (т.е. выделения её в «особую», разветвляющуюся и специализированную по видам) или некое её усложнение, требующее специальных знаний, приёмов и специальных отношений. В рамках этого предположения уже логичны «культы охоты» и «культы распределения её результатов». Но опять-таки возникает вопрос: могла ли «охота ради охоты» или «охота ради пищи» создать такие «культы»? Вполне очевидно, что для этого были нужны какие-то другие, более серьёзные и системные основания.

Могла ли быть таким серьёзным системным основанием «трудовая деятельность Номо»? Бесспорно, да – если предположить в ней какую-то изначальную, объективную и системную цель: неизменную во времени, жизненно важную для Номо, видимую реальной и достижимую практически – тем или иным способом. Бесспорно и то, что «труд ради труда» в качестве этой цели выступать не может, хотя возможность того, что Номо были «трудоголиками» и стимулировались в «трудовой деятельности» самим «трудом», полностью исключить нельзя (логически возможны: неиссякаемый «интерес» к Номо-творчеству, индивидуальному и общественному, его возможная «культовая стимуляция»). Но и это наше предположение малоосновательное – хотя бы потому, что «интерес» к индивидуально-общественному Номо-творчеству, как правило, подпитывается необходимостью и без неё индивидуальное Номо-творчество чаще остаётся невостребованным. Особо наглядно это в резких отличиях исторического развития Номо-обществ после палеолита – многие из них, довольствуясь достигнутым, утратили интерес к развитию и «законсервировались».

Почему же в позднем палеолите многие Номо-общества потеряли интерес к развитию? Вероятно уже тогда была достигнута главная цель эволюции рода Номо – обеспечить своё устойчивое существование во времени. Как известно, историческое бытие Номо-обществ в позднем палеолите базировалось на собира-

тельстве, охоте, многоаспектном труде, строительстве «убежищ-жилищ» и, на объемлющих всё это многообразие их бытия воедино, – надбиологических антропосоциокультурных связях. Но главными «стабилизаторами» палеолитического бытия Номо-обществ были всё-таки «убежища-жилища» – «ограничившие действие биологического отбора по отношению к людям, выделившие людей из мира животных, заставившие индивидов образовывать сообщества и подчиняться сообществу» [4, с.105-107]. В методологическом плане, эта выделенная нами главная цель эволюции рода Номо – «иметь-убежище-в-мире-и-от-мира» – неизменная во времени, реально видимая в «деятельностях» Hominidae и практически достигнутая неантропами, являет собой несомненную гносеологическую опору в постижении сути не только Раннего Антропосоциогенеза. Выстраивая цепь эволюции «убежищ Человека» – от первых индивидуально-семейных до современных общественно-государственных и цивилизационных – вполне вероятно выделить в какой-то мере и искомую «идею Человека» («откуда пришёл, кто есть и куда идёт»).

Актуальность пересмотра результатов уже проведённых и нынешних исследований палеостоянок древних людей. На основании материалов источника [1] и проведённого сопоставления методологических возможностей трёх гипотез Антропосоциогенеза, «охотничьей», «трудовой» и «убежищестроительной», логичны следующие выводы: а) в научных исследованиях происходившего в Раннем Антропосоциогенезе (и позже тоже) эффективно комплексное их применение; б) в триаде рассмотренных гипотез Антропосоциогенеза «убежищестроительная» даёт значительно больше возможностей для постижения и объяснения феноменов Антропо- и Социогенеза (она потенциально шире «охотничьей» и «трудовой», пригодна к объяснению не только рассмотренных, но и многих других феноменов Антропосоциогенеза, например, полицентричности генерации Hominidae).

«Убежищестроительный подход» к палеофактам Антропосоциогенеза, обозначающий главную эволюционную цель рода Номо, позволяет увидеть «охотничью» и «трудовую» деятельности палеоантропов ещё в одном, но уже predetermined этой целью качестве – как направленную, исторически поступательную. «Убежищестроительный подход» к Антропосоциогенезу даёт основания для переоценки очень многих палеофактов, находящихся в музеях мира и в научных хранилищах (отложенных для выяснения их сути), к тому же позволяет сделать это быстро и без особых финансовых затрат. «Убежищестроительный подход» особо эффективен в палеонтологических исследованиях – возможно извлечение в их процессе значительно большей научной информации (если рассматривать все наличные палеофакты в комплексе, соотнося со временем и палеосредой, обращая особое внимание на функциональную сторону палеоартефактов – на целевое предназначение).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Убежищестроительная гипотеза Раннего Антропосоциогенеза значительно расширяет его процессуальное и принципиальное представление. Обозначая и обосновывая стержневую идею всего Антропосоциогенеза, она может быть достаточно эффективной в познании не только ранних периодов Антропосоциогенеза, но и последующих – как концептуальное и методологическое ядро, связующее все имеющиеся гипотезы Антропо- и Социогенеза в единый методологический комплекс.

Источники и литература

1. Чудомех В.Н. Ранний Антропосоциогенез: анализ представлений истоков // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым». – № 67. – С.128-135.
2. Шпинар З.В. История жизни на Земле. Перевод Е.Финштейна. – Прага, Артрия, 1977.
3. Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. – М., Наука, 1980.
4. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза (от стада обезьян к общине древних людей). – М., Наука, 1980.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., ООО «АСТ», 2004.
6. Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. Изд. 2-е. – М., Высшая школа, 1977.
7. Философский энциклопедический словарь. – М., Советская энциклопедия, 1981.
8. Оконская Н.Б. Основы метаантропологии. Человек и мир. – М., Вузовская книга, 2004.